

—

XI.

Второй урок математики пролетел быстро. Классный руководитель вошел в кабинет и выставил всех учеников в коридор, приглашая внутрь родителей, которые нашли время прийти.

Гу Сьюань, единственный человек во всей параллели, кто не чувствовал давления из-за поступления, остался без сопровождающих. Родители ему были не нужны, поэтому он со спокойной душой вернулся в общежитие — продолжать писать код. Деньги сами себя не заработают.

Родители расселись по местам своих детей, снова почувствовав себя школьниками. Многие из них были давними знакомыми по работе и, пока собрание не началось, всю обменивались новостями.

— Директор Чжао, сколько лет, сколько зим! — Се Чэнфэн с широкой улыбкой поприветствовал мужчину средних лет в строгом костюме.

Тот на мгновение замялся, прежде чем вспомнить собеседника, и сдержанно улыбнулся:

— А, это же директор Се из «Павильона Изящных Рифм»?

«Павильон Изящных Рифм» когда-то был известным в городе А антикварным магазином с историей. Хотя в прошлые годы доходы были скромными, репутация заведения была безупречной благодаря подлинности товаров. Но в последние годы, поговаривали, лавка сменила курс, ориентируясь на массовый рынок. Доходы пошли в гору, но былой статус был утрачен. Те, кто считал себя людьми солидными, перестали туда заглядывать. Впрочем, для владельца было неясно, какой путь лучше — у каждого выбора своя цена.

— Он самый, — Се Чэнфэн ничуть не смутился и продолжил: — Какое совпадение, не ожидал, что ваш ребёнок учится в одном классе с моим.

Как говорится, на улыбающегося человека рука не поднимается, так что директор Чжао вежливо подхватил беседу:

— Дела, дела... Раньше на собрания всегда жена ходила. Но раз уж это выпускной класс, а учеба всё никак не клеится, я решил сам серьезно поговорить с учителями.

— Да, вы человек занятой, — продолжал льстить Се Чэнфэн.

Чжао, видя его расслабленный вид, спросил:

— Видимо, ваш ребенок очень послушный?

— Ой, характер у него тот еще, колючий. Только оценки и радуют, — Се Чэнфэн небрежно махнул рукой.

Чжао прищурился, что-то вспоминая, и с легким удивлением воскликнул:

— Я как раз смотрел список успеваемости у доски. Третий в рейтинге — ребенок с такой же фамилией, как у вас...

Се Чэнфэн кивнул, не в силах скрыть самодовольную улыбку:

— Это мой старший.

Улыбка на лице Чжао стала шире:

— Эх, если бы мой балбес набирал хотя бы половину его баллов, я был бы счастлив...

— Ну что вы, директор Чжао, — Се Чэнфэн был польщен. — Он же омега, какие бы оценки ни были, в будущем это всё равно... сами понимаете.

— Омеге так хорошо учиться даже труднее, ребенок очень умный, — сухо похвалил Чжао. Своего ребенка ругать можно, а чужим — не позволялось.

Пока родители в классе наслаждались общением, настроение учеников, сгрудившихся кучками в коридоре, было весьма неоднозначным.

Хо И стоял рядом с Се Цинсяо, облокотившись на перила балкона, и обреченно стонал:

— Всё, мне конец. Вечером дома мама точно оттаскает меня за уши.

Се Цинсяо ответил:

— Ты просто слишком ленив. Учителя ведь говорят, что ты сообразительный, просто учиться не хочешь, вот и результат.

Хо И фыркнул и честно признался:

— Пф, я думаю, ты слишком высокого мнения обо мне. Я-то знаю, чего стою. Будь я действительно умным, я бы давно взялся за голову без всяких понуканий. А лень — это просто психологическая лазейка, чтобы не признавать очевидного: я просто туповат, вот и получаю такие баллы.

— Оригинальный подход, — Се Цинсяо поднял большой палец вверх.

Прирожденный ум не делает человека выше других, а вот искренние старания заслуживают уважения.

— Ты повредил ногу? — внезапно раздался низкий мужской голос рядом с беседующими.

Се Цинсяо поднял голову и, увидев подошедшего, вскинул бровь, но промолчал. Хо И скривился:

— О, неужели это сам господин Шэнь Тин?

Шэнь Тин проигнорировал Хо И и продолжил допрос Се Цинсяо:

— Это та травма с субботы, на баскетбольной площадке?

Хо И холодно усмехнулся:

— А я-то думал, ты ослеп. Неужели наконец-то прозрел?

Шэнь Тин нахмурился и недовольно посмотрел на Се Цинсяо. Он прекрасно понимал, что Хо И

ведет себя так только ради защиты друга. Поэтому он не считал нужным отвечать Хо И. Раз тот друг Се Цинсяо, то это проблема самого Се — утихомирить приятеля, если он хочет продолжать нормальный диалог с Шэнь Тинем.

Се Цинсяо с интересом наблюдал за переменной эмоций на лице альфы. Почувствовав это ожидание во взгляде Шэнь Тина, он не выдержал и издал странный смешок.

И правда, в прежние времена Шэнь Тину не пришлось бы даже бровью вести. Стоило Хо И заговорить в подобном тоне, Се Цинсяо тут же бы незаметно перевел тему — он никогда не позволял Шэнь Тину чувствовать себя неловко.

Но сейчас... ха.

Шэнь Тин, видя его улыбку, помрачнел. Его взгляд стал еще более нетерпеливым:

— Что смешного? Трудно сказать, так это или нет?

Се Цинсяо продолжал улыбаться. Он изящным движением заправил прядь волос за ухо и мягко произнес:

— Что сказать? Сказать: «Да, Шэнь Тин, ты прав, я действительно получил травму на той площадке позавчера вечером»?

— Но, Шэнь Тин, ты в тот день убежал так быстро и так решительно... Даже когда мы встретились позже, ты в упор не замечал, что я хромаю. Какой смысл спрашивать об этом теперь? Хочешь успокоить свою совесть?

Шэнь Тин нахмурился еще сильнее. Он не ожидал, что Се Цинсяо, всегда кроткий и заискивающий перед ним, умеет так больно жалить. И из-за какой-то мелочи? Какая скука.

Шэнь Тин пренебрежительно хмыкнул, не желая продолжать разговор, и просто развернулся, чтобы уйти. Он не собирался строить с Се Цинсяо серьезные отношения, поэтому каждое лишнее слово, каждая минута усилий вызывали у него лишь досаду. У него не было ни малейшего желания играть в эти игры с обидами и «холодной войной».

На самом деле, до этого момента Шэнь Тин действительно не придавал значения травме Се Цинсяо. И даже если бы заметил, по его характеру он бы вряд ли стал спрашивать. Просто Лу Цзяян заметил, что тому трудно ходить, вспомнил, как они бросили его позавчера, и почувствовал укол совести. Он и уговорил Шэнь Тина подойти и проявить участие.

Хо И, глядя в спину уходящему Шэнь Тину, едва не подпрыгнул от ярости:

— Это что еще за отношение?! У него с головой проблемы? Кто его звал? Кто его просил подходить? Что за рожа такая кислая?

— Да, видимо, он действительно болен, — Се Цинсяо, казалось, был совершенно не задет внезапным уходом. Он лениво облокотился на перила, подперев подбородок, и спокойно кивнул.

Хо И повернулся к другу, внимательно осмотрел его и удовлетворенно кивнул. Се Цинсяо наконец-то вырос. Он больше не тот дурачок, для которого Шэнь Тин был центром вселенной.

Почувствовав этот одобрительный взгляд, Се Цинсяо улыбнулся. Затем он прищурил свои

красивые глаза и скользнул взглядом по коридору.

Шэнь Тин, только что ушедший в дурном расположении духа, уже вовсю смеялся, слушая, как его утешает Лу Цзяян. Хо И проследил за его взглядом и, увидев эту картину, проворчал:

— Раз у него с этим «бро» такая любовь, жили бы уже вместе всю жизнь. Зачем вообще с кем-то встречаться?

Се Цинсяо снова усмехнулся. Его голос прозвучал ровно, словно застоявшаяся вода:

— Хм, а с чего ты взял, что он этого не хочет?

— Что ты сказал?.. — Хо И удивленно округлил глаза.

...

Спустя примерно полтора часа родители начали выходить из кабинета. Коридор наполнился шумом. Некоторые вспльчивые отцы и матери, не дожидаясь возвращения домой, принялись отчитывать своих «сорванцов» прямо на месте.

Се Цинсяо прищурился, глядя на Се Чэнфэна, который о чем-то восторженно вещал в группе людей. У юноши появилось нехорошее предчувствие.

Вскоре Се Чэнфэн протиснулся сквозь толпу к сыну. Он бросил на него таинственный взгляд, в котором — о чудо! — читались редкая нежность и довольство. Такое случалось не чаще, чем кровавый дождь с небес.

Се Чэнфэн понизил голос и спросил:

— Тут говорят, ты встречаешься с молодым господином из семьи Шэнь?

Се Цинсяо прищурился:

— И кто же это говорит?

Се Чэнфэн с затаенной радостью тихо выругался:

— Да что с тобой такое? Если ты в отношениях с наследником семьи Шэнь, почему отцу не сказал?

— Кто это сказал? — Се Цинсяо недовольно нахмурился.

Видя такую реакцию, Се Чэнфэн поостыл, и его тон стал жестким:

— А что, я твой отец, мне и знать нельзя? Совсем уже оперился?

Сказав это, он перестал обращать внимание на реакцию сына и принялся лихорадочно искать глазами Шэнь Тина, надеясь подойти и поздороваться, но того нигде не было видно. Вдруг его глаза блеснули, и он указал в сторону:

— Это ведь сумочка госпожи Шэнь там на скамейке?

Се Цинсяо лениво кивнул:

— Похоже на то.

— Ну так иди, отнеси ей! Живо! Произведи хорошее впечатление, что ты стоишь как истукан...

— Се Чэнфэн принялся ворчать, подгоняя его.

Се Цинсяо совсем не хотелось подходить к ним. Но перспектива выслушивать бесконечные нотации отца и наблюдать за его неловкими попытками заискивать перед богачами была еще хуже. Уж лучше отнести сумку.

Заходящее солнце окрашивало изысканное здание школы Бэйчуань в теплые тона, превращая его в подобие утонченной масляной живописи. В тихом уголке длинной галереи слышались голоса.

Мать Шэнь Тина держала сына за руку и мягко говорила:

— Я давно знала, что ты с кем-то встречаешься, но только сегодня увидела его воочию. Тот симпатичный омега, с которым ты говорил в коридоре?

— Угу, — небрежно отозвался Шэнь Тин.

— Шэнь Тин, мы с отцом с детства тебя не ограничивали. Но я должна сказать: твой вкус на омег оставляет желать лучшего.

— В такой семье, как наша, было бы ложью сказать, что у нас нет требований к паре. Но мы не настаиваем на равном происхождении. Однако... я насквозь вижу тех, кто карабкается с самых низов. Одного взгляда на его глаза мне хватило, чтобы понять: он далеко не такой послушный, как кажется. В голове — сплошные расчеты и интриги. Сможешь ли ты удержать такого под контролем в будущем?..

Её голос звучал бесконечно нежно и заботливо, но в словах сквозило высокомерное презрение, которое невозможно было скрыть.

Услышав это, Шэнь Тин даже не попытался возразить или оправдаться. Он лишь легко усмехнулся и приобнял мать за плечо:

— Ну ладно тебе, мам. Это просто интрижка, чтобы скоротать время. Зачем так глубоко копать и заглядывать в будущее? Возвращайся лучше к своим подругам — попейте чаю, сходите на процедуры!

— Ах ты... Ну, раз ты сам всё понимаешь, ладно.

Сын с детства был себе на уме, и родители привыкли не вмешиваться. Госпожа Шэнь лишь снова со вздохом добавила:

— Эх... ну почему же Цзяян не омега?

Шэнь Тин послушно улыбнулся. В лучах зимнего солнца они представляли собой идеальную картину материнской любви и сыновней почтительности.

За углом, прислонившись к массивной колонне, стоял Се Цинсяо. Он небрежно покачивал за ремешок дамскую сумочку, а на его лице застыло странное выражение — похожее на улыбку, но если присмотреться, это была совсем не она.

Он просто вспомнил вчерашние слова Гун Ли во время ссоры: «Омега, а в таком юном возрасте

уже столько интриг в голове...»

Что ж, в чем-то она была права. Он действительно был человеком с «глубокими помыслами».

В этот момент Се Цинсяо почувствовал, как кто-то внезапно и легко коснулся его плеча.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281549>